

Исследования Баумгартнера, Питерса и Багоцци [Baumgartner, Pieters, Bagozzi 2008] демонстрируют ключевую роль предвосхищающих эмоций в формировании восприятия риска, которое часто расходится с объективной реальностью. Наглядной иллюстрацией этого феномена стала катастрофа на Чернобыльской АЭС, где психологический ущерб значительно превзошел физические последствия. Как метко заметил Спектер [Specter 1996], истинной бедствием оказался не радиационный фон, а всепоглощающий страх перед ним, который в конечном итоге нанес больше вреда, чем сама авария. Этот пример ярко показывает, как эмоциональные реакции могут исказить рациональную оценку угроз.

Стихийные бедствия представляют собой особую категорию кризисов, отличаясь от обычных чрезвычайных ситуаций тремя фундаментальными характеристиками. Прежде всего, их воздействие носит системный характер, затрагивая различные группы населения и географические регионы. Во-вторых, их причины обычно кроются в сложном переплетении природных факторов, технологических сбоев и человеческих решений, что значительно осложняет определение ответственности. Наконец, и это наиболее важно, последствия таких событий многогранны: они одновременно разрушают инфраструктуру, дестабилизируют социальные связи, наносят психологические травмы, подрывают экономику и имеют политические последствия.

Эта сложная природа делает классификацию бедствий субъективной и ценностно-нагруженной. Как справедливо отмечает Стромберг [Stromberg 2007], признание события катастрофой и объем выделяемой помощи во многом зависят от социального статуса пострадавших. Данное неравенство особенно заметно при сравнении медиа-освещения и государственной реакции на схожие события в разных сообществах, где привилегированные группы неизменно получают больше внимания и ресурсов.

Управление рисками катастроф сталкивается с уникальными трудностями, которые Риттель и Уэббер [Rittel, Webber 1973] охарактеризовали как *злые проблемы* (wicked problems). Эти вызовы включают отсутствие четких определений, невозможность окончательных решений и столкновение противоречивых ценностей различных заинтересованных сторон. В таких условиях, как показал Саймон [Simon 1982], лица, принимающие решения, вынуждены довольствоваться удовлетворительными, а не оптимальными решениями (satisficing behavior).

Ситуацию усугубляет динамика власти. Бек [Beck 1992a] обращает внимание на растущий антагонизм между теми, кто страдает от рисков, и теми, кто извлекает из них выгоду. Еще более тревожным является его вывод о принципиальной неготовности социальных институтов к наихудшим сценариям, что свидетельствует о фундаментальных ограничениях наших возможностей коллективного управления рисками.

Психология восприятия риска раскрывает комплексные проблемы обработки информации в условиях неопределенности. Люди сталкиваются с информационной перегрузкой, когда множество потенциальных угроз конкурируют за внимание, а противоречивые данные экспертов и быстро распространяющиеся слухи создают *инфодемию* [Koroleva et al 2010]. Это приводит к состоянию *эмоциональной амбивалентности* [Weingardt 2000], когда человек одновременно испытывает противоречивые чувства по отношению к угрозе.

В таких условиях наблюдаются три основные поведенческие реакции. Многие впадают в прокрастинацию [Anderson 2003], откладывая защитные действия несмотря на осознание опасности. Другие сознательно избегают тревожной информации [Colman, Nagmann, Loewenstein 2017]. Третьи применяют поляризованные когнитивные стратегии – от сложного анализа до упрощенных эвристик [Taber, Cann, Kucsova 2009], которые подтверждают их существующие убеждения.

Концепция *социальной амплификации риска* [Kasperson et al 1988] объясняет, как средства массовой информации трансформируют объективные угрозы в социально сконструированные явления. Поскольку риски «базируются на каузальных интерпретациях и, таким образом, изначально существуют на языке (научных или антинаучных) знаний о них», то они могут быть «изменены, увеличены, драматизированы или сведены к минимуму в [существующей системе] знания, и в этой степени они особенно открыты для социального определения и конструирования» [Beck 1992b: 22-23]. В результате относительно безобидные (по мнению неангажированных экспертов) события превращаются в предмет для общественной озабоченности и социально-политической активности (*амплификация рисков*) и, наоборот, серьезные, по оценке экспертов, угрозы – в незначительные затруднения (*аттенуация рисков*). Возгонка амбивалентного эмоционального состояния до коллективной стрессовой ситуации – это цель политики запугивания и обнадеживания.

Опросы общественного мнения вроде бы подтверждают реифицированные (овеществленные) социальные страхи, но только потому, что сами опросы являются механизмами «режима истины», который реализуется акторами со значительной дискурсивной силой. Политика запугивания и обнадеживания подавляет реактивное сопротивление субъектов по отношению к вводимым правовым (и не совсем правовым) ограничениям за счет раскручивания спирали умолчания как одного из механизмов производства согласия: «Медиа могут не иметь большого влияния, говоря нам, что думать, но у них есть способность влиять на наше восприятие того, что думают другие» [Tsfati 2003: 66].

Поскольку реальное и воображаемое оставляют в памяти идентичные отпечатки (соответствующие мозговые субстраты на две трети совпадают), а цифровизация медиа размывает границы между непосредственным и опосредованным восприятием, то с течением времени медиафеномены вспоминаются как реальные события и становятся частью жизненного опыта, который влияет на дальнейшее поведение: «Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям» [Thomas 1932: 572]. Более того, медиа влияют на субъектов визуальным контентом, эмоциональным поведением медиаперсоны и побуждением к эмпатии, что провоцирует скорее эмоциональные состояния, чем рациональные рассуждения. В результате даже (вроде бы) объективное и рациональное освещение бедствия скорее запугивает потенциальные жертвы, чем настраивает на рациональное поведение: «Как якобы сказал сенатор Джон О. Пасторе из Род-Айленда, 'легче напугать людей, чем сделать так, чтобы они перестали бояться'» [Weinberg 1977: 55].

Медиа-амплификация благодаря *эффекту ряби* [Williams 2003] вызывает обширные, отдаленные и межсекторные последствия. *Хайпизация* риска/бедствия активизирует социальную память о предыдущих бедствиях, переживания которых хранятся и передаются между индивидами, группами и поколениями в формате нарративов о бедствиях. Более того, согласно гипотезе *обезличенного воздействия*, субъекты, получившие информацию о риске/бедствии через новостные медиа, склонны полагать, что другие с большей вероятностью станут жертвами риска, чем они сами. Дискурсивная амплификация рисков/бедствий ограничена законом убывающей предельной производительности: «Слишком упорно эксплуатируя страхи, правительство повышает порог общественного восприятия, и в конечном итоге люди игнорируют почти все дальнейшие попытки их запугать... Страх – это обесценивающийся актив. Если предсказанная угроза не реализуется, то засомневаются в ней самой или ее серьезности. Правительство должно компенсировать обесценивание, инвестируя в техническое обслуживание, модернизацию и пополнение основного 'капитала страха'» [Higgs 2005: 456-457].

Под *дискурсивной амплификацией* в узком смысле понимается спонтанное или преднамеренное расширение социокультурного контекста обсуждения темы конкретного дискурса в медиасфере, которое, как мы предполагаем, обостряет конкуренцию акторов не

только на когнитивном уровне («битва фреймов»), но и эмоциональном уровне («волны эмоционализации»).

Политические акторы манипулируют общественным восприятием через тактики страха и надежды [Boukala, Dimitrakoroulou 2016], прибегая к техникам *эмоционального заражения* [Schoenewolf 1990], запугивающего сторителлинга и генерации *подрывных мемов* (disruptive). Всё это усиливает такие известные психологические эффекты, как *спираль умолчания* [Noelle-Neumann 1974], когда меньшинство самоцензурирует свои взгляды, и *производство согласия* [Herman, Chomsky 1988] за счет установки. медиаповестки дня и медиафрейминга.

Ярким и актуальным проявлением дискурсивной амплификации являются эпидемии так называемых новых инфекционных заболеваний (атипичная пневмония, СПИД, холера, птичий грипп H5N1, свиной грипп H1N1, лихорадка Эбола, COVID-19), которые сопровождаются массовой амплификацией (распространением) в медиасфере запугивающих нарративов. Некоторые инфекционные болезни – испанский грипп в 1918 г., ВИЧ / СПИД в 1980-х г., COVID-19 сейчас – порождают моральную панику, воспоминания о которой при вспышке новой инфекции усиливают социальные страхи и побуждают власти к ее переоценке или, наоборот, недооценке: свиной грипп H1N1 по заболеваемости и смертности не отличался от сезонного гриппа, но ассоциировался с атипичной пневмонией, поэтому подталкивал к избыточным контрмерам.

Вспышка лихорадки Эбола в 2014-2015 годах стала показательным случаем медиа-усиления риска благодаря нескольким особенностям. Высокая летальность вируса и его наглядные симптомы привлекли внимание прессы, в то время как неопределенность путей передачи и отсутствие лечения усилили тревогу.

Анализ хедлайнов публикаций в российских медиа выявил циклическую динамику. На начальном этапе доминировали сообщения, основанные на страхе, подчеркивающие опасность и неопределенность. По мере развития дискурса появилась фаза надежды, акцентирующая разработку методов лечения. Последующие вспышки вновь вернули в повестку нарративы страха, создавая колебательный паттерн, который поддерживал вовлеченность аудитории через эмоциональный контраст (Рис. 1).

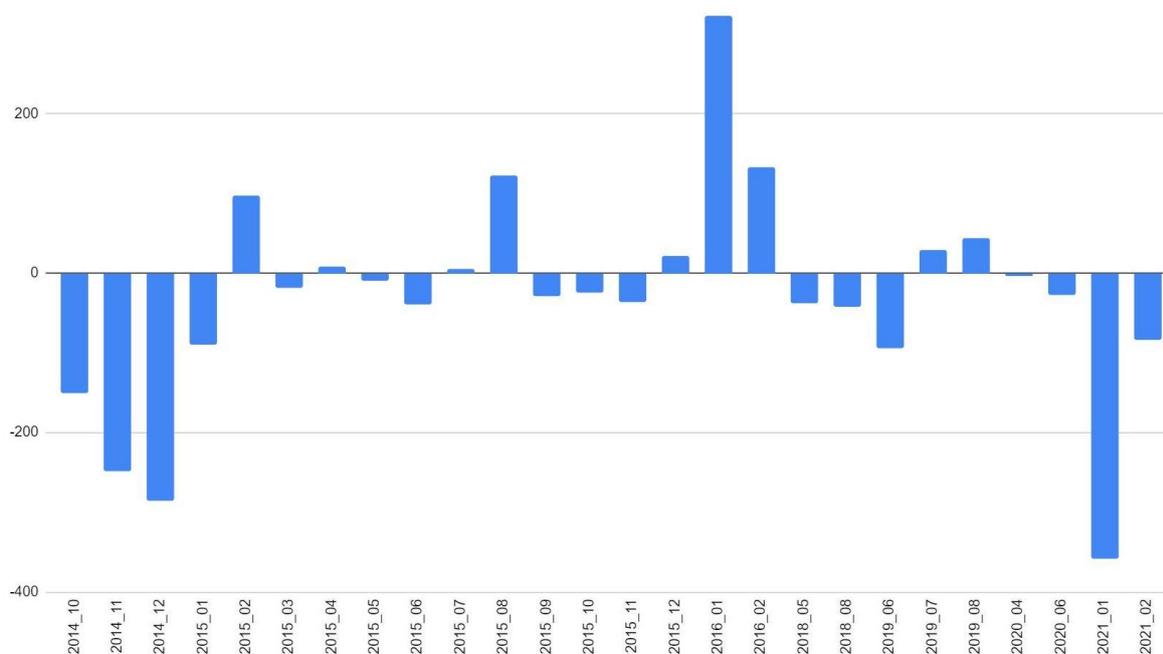

Рис. 1. Доминирование концептов СТРАХА или НАДЕЖДЫ.

Эта динамика соответствует фундаментальным психологическим тенденциям. *Предвзятость к негативу* [Rozin et al 1989] заставляет придавать больше значения угрозам.

Эффект *эмоциональных качелей* [Dolinski et al 2002] снижает сопротивление через чередование страха и надежды. Феномен *сужения внимания* [Easterbrook 1959] меняет когнитивные способности в зависимости от эмоционального состояния.

На основе этих наблюдений можно выделить пять этапов развития дискурса о рисках. Этап инициации начинается с идентификации угрозы экспертным сообществом. Затем наступает фаза усиления, когда СМИ и политики повышают видимость проблемы. Третий этап характеризуется амбивалентностью, когда конкурирующие нарративы страха и надежды создают когнитивный диссонанс. Далее следует фаза политического реагирования с принятием часто поверхностных мер. Завершается цикл этапом ослабления, когда угроза либо нормализуется, либо вытесняется новыми вызовами.

Структурная организация исследованного *нарратива бедствия* может оцениваться как частичная (*эпидемический дискурс* – это разновидность *дискурса бедствия*) и стихийная (поскольку эпидемия Эболы не распространялась на российской территории, поэтому сторителлинг «Эбола» не регулировался как минимум российскими акторами) реализация модели *циклической дискурсивной амплификации* (CDA-модель), которая в прочих случаях преднамеренно используется в кризисных коммуникациях для усиления побуждения целевых групп к принятию решений и совершению действий в интересах влиятельных акторов. Рассмотрим блок-схему CDA-модели (Рис.2.)

Рис. 2. Циклическая дискурсивная амплификация в условиях бедствия (модель CDA).

CDA-модель может быть использована как для анализа, так и для планирования кризисных коммуникаций в медиасфере, что позволит акторам более эффективно управлять восприятием рисков и минимизировать негативные социальные последствия кризисов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Akerlof G.A. Procrastination and obedience // *American economic review*. 1991. Vol. 81 (2). P. 1-19.
2. Anderson C.J. The psychology of doing nothing: Forms of decision avoidance result from reason and emotion // *Psychological bulletin*. 2003. Vol. 129. P. 139-167.
3. Bar-Tal D. Why does fear override hope in societies engulfed by intractable conflict, as it does in the Israeli society? // *Political psychology*. 2001. Vol. 22 (3). P. 601-627.
4. Baumeister R.F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K.D. Bad is stronger than good // *Review of general psychology*. 2001. Vol. 5 (4). P. 323-370.
5. Baumgartner H., Pieters R., Bagozzi R.P. Future-oriented emotions: Conceptualization and behavioral effects // *European journal of social psychology*. 2008. Vol. 38. P. 685-696.
6. Beck U. From industrial society to risk society: Questions of survival, social structure and ecological enlightenment // *Theory, culture and society*. 1992a. Vol. 9. P. 97-123.
7. Beck U. Risk society – Towards a new modernity. SAGE Publications, 1992b.
8. Boukala S., Dimitrakopoulou D. The politics of fear vs. the politics of hope: Analysing the 2015 Greek election and referendum campaigns // *Critical discourse studies*. 2016. Vol. 14 (1). P. 39-55. doi:10.1080/17405904.2016.1182933
9. Cacioppo J.T., Gardner W.L. Emotion // *Annual review of psychology*. 1999. Vol. 50. P. 191-214.
10. Coker R. Hopeful fear and fearful hope: A polar perspective // *Proceedings of the 2nd Applied Positive Psychology Symposium*. Buckinghamshire New University. Saturday 21st May 2016. P. 88-97.
11. Colman R., Hagmann D., Loewenstein G. Information avoidance // *Journal of economic literature*. 2017. Vol. 55 (1). P. 96-135.
12. Dolinski D., Ciszek M., Godlewski K., Zawadzki M. Fear-then-relief, mindlessness, and cognitive deficits // *European journal of social psychology*. 2002. Vol. 32 (4). P. 435-447.
13. Easterbrook J.A. The effect of emotion on cue utilization and the organization of behavior // *Psychological review*. 1959. Vol. 66. P. 183-201.
14. Herman E.S., Chomsky N. *Manufacturing consent: The political economy of the mass media*. N.Y.: Pantheon Books, 1988.
15. Higgs R. The foundation of every government's power // *The independent review*. 2005. Vol. X (3). P. 447-466.
16. Huang T.Y., Souitaris V., Barsade S.G. Which matters more? Group fear versus hope in entrepreneurial escalation of commitment // *Strategic management journal*. 2019. P. 1-30.
17. Infanti J., Sixsmith J., Barry M.M., Nunez-Cordoba J., Oroviogicochea-Ortega C., Guillen-Grima F. A literature review on effective risk communication for the prevention and control of communicable diseases in Europe. Stockholm: ECDC, 2013.
18. Jarymowicz M., Bar-Tal D. The dominance of fear over hope in the life of individuals and collectives // *European journal of social psychology*. 2006. Vol. 36 (3). P. 367-392.
19. Kasperson R.E., Renn O., Slovic P., Brown H.S., Emel J., Goble R., Kasperson J.X., Ratick S. The social amplification of risk: A conceptual framework // *Risk analysis*. 1988. Vol. 8 (2). P. 177-187.
20. Kempton W. Two theories of home heat control // *Cognitive science*. 1986. Vol. 10 (1). P. 75-90.
21. Koroleva K., Krasnova H., Gunther O. Stop spamming me! Exploring information overload on Facebook // *AMCIS 2010 Proceedings*. Paper 447. <http://aisel.aisnet.org/amcis2010/447>
22. Lakoff A. *Unprepared: Global health in a time of emergency*. Berkeley: University of California Press, 2017.

23. Leach M., Hewlett B. Haemorrhagic fevers: Narratives, politics and pathways // *Epidemics: Science, governance and social justice* / ed. by S. Dry, M. Leach. London: Earthscan, 2010. P. 43-69.
24. Mick D.G, Broniarczyk S.M., Haidt J. Choose, choose, choose, choose, choose, choose, choose, choose: Emerging and prospective research on the deleterious effect of living in consumer hyperchoice // *Journal of business ethics*. 2004. Vol. 52. P. 207-211.
25. Noelle-Neumann E. The spiral of silence: A theory of public opinion // *Journal of communication*. 1974. Vol. 24 (2). P. 43-51.
26. Rittel H., Webber M. Dilemmas in a general theory of planning // *Policy sciences*. 1973. Vol. 4. P. 155-169.
27. Rozin P., Nemeroff C., Wane M., Sherrod A. Operation of the sympathetic magical law of contagion in interpersonal attitudes among Americans // *Bulletin of the psychonomic society*. 1989. Vol. 27. P. 367-370.
28. Ruitter R.A.C., Abraham C., Kok G. Scary warnings and rational precautions: A review of the psychology of fear appeals // *Psychology and health*. 2001. Vol. 16 (6). P. 613-630.
29. Schoenewolf G. Emotional contagion: Behavioral induction in individuals and groups // *Modern psychoanalysis*. 1990. Vol. 15. P. 49-61.
30. Simon H.A. *Models of bounded rationality*. Cambridge: MIT Press, 1982.
31. Slovic P. Trust, emotion, sex, politics and science: Surveying the risk-assessment battlefield // *Risk analysis*. 1999. Vol. 19 (4). P. 689-701.
32. Specter M. A wasted land. 10 Years later, through fear, Chernobyl still kills in Belarus // *The New York Times*. 31 March 1996.
33. Stromberg D. Natural disasters, economic development, and humanitarian aid // *Journal of economic perspectives*. 2007. Vol. 21 (3). P. 199-222.
34. Taber C.S., Cann D., Kucsova S. The motivated processing of political arguments // *Political behavior*. 2009. Vol. 31. P. 137-155.
35. Thomas W.I. *The child in America*. N.Y.: Alfred Knopf, 1932.
36. Tsfati Y. Media skepticism and climate of opinion perception // *International journal of public opinion research*. 2003. Vol. 15. (1). P. 65-82.
37. Wardle C., Derakhshan H. Thinking about information disorder: Formats of misinformation, disinformation, and mal-information // *Journalism, fake news and disinformation: Handbook for journalism education and training* / ed. C. Ireton, J. Posetti. Paris: UNESCO, 2018. P. 43-54.
38. Weinberg A. Is nuclear energy acceptable? // *Bulletin of the atomic scientists*. 1977. Vol. 33 (4). P. 54-60.
39. Weingardt K.R. Viewing ambivalence from a sociological perspective: Implications for psychotherapists // *Psychotherapy*. 2000. Vol. 37 (4). P. 298-306.
40. Williams K. *Understanding media theory*. Great Britain: Arnold, 2003.